

Асель ОМАР - трижды дипломированный специалист: писатель, переводчик, журналист, кинорежиссер, сценарист, менеджер международного бизнеса. Лауреат двух первых премий фонда Сороса - "Дебют-97" и конкурса среди публикаций СМИ по вопросам культуры (1999 г.). Ее рассказы публиковались в разные годы в литературных изданиях в Казахстане и других странах, ряд стихотворений вошел в изданную не так давно в Астане "Антологию современной казахской поэзии". Лауреат фестиваля "Москва - город мира" в области поэзии (2003 г.). Достойная 1-го места на конкурсе правительства Москвы "Москва - территория мира и согласия" в области прозы (2005 г.).

Автор двух художественных короткометражных кинофильмов, Асель Омар сейчас готовится к постановке в тандеме с кинорежиссером Рымбоком Айтиевым многосерийного телефильма "Ангелочек" на студии "Казахфильм".

- Асель, пути постижения "terra incognita" чужой души могут быть различны. Если человеку близка поэзия, то можно попробовать через стихотворные строчки проникнуть в его внутренний мир, мягко преодолевая динамику естественного отторжения. В вашем сборнике стихов и прозы "Credo" (1999 г.) упомянуто имя Поля Верлена...
Эта в жизни моей поремена,
Как вино, и сладка, и горька.
Вечер. Стихотворения Верлена.
И на счастье мне велика.
Не гадайте - зачем я и кто я?
По моей неокрепшей руке...

Вот я и подумал: не стану гадать, а попытаюсь "Верленом проследить" "Кадыр" вашей души. Французский поэт дает такой совет в стихотворении "Искусство поэзии" (перевод Бориса Пастернака), которому вы, как мне показалось, интуитивно следуете:

Не церемонясь с языком
И торной не ходи дорожкой.
Вы чутки и смелы в работе со словом. Откуда эта острота слуха?

- Как все в жизни, у меня все взаимосвязано, и одно перетекает в другое. С малых лет мама читала мне русских классиков, чтобы развить мою речь и воображение. - "Каштанку" Чехова, "Сюда" Куприна, сказки Льва Толстого. "Что ясно мыслит, что излагает" - этот принцип я усвоила с ранних пор.

Мой дедушка, Омаргалы Куашбеков, был в свое время известным журналистом, основателем и первым редактором газетной газеты "Казахстан. Мугалы". "Учителе Казахстана" редактировал журнал "Жаңа фильм". "Новый фильм", со своим стилем, переводил. Будучи главным редактором областной газеты "Кызыл Ту" в Павлодаре, возглавлял местное отделение Союза писателей, выискивал и пестовал молодые таланты. Чуть ли не это он меня и хранил блокнотом дел, куда он все живо вписывал новые для себя слова, варианты переводов, и тогда сочинения окислялись, испытанные его пометками.

Меня восхитила его личность, его умение слышать, слыша, что окисляло школу с золотой медалью. Я рано выбрала профессию. Мама поехала меня в Москву, в Литературный институт имени Горького, когда мне было девять лет.

- Видимо, у вас уже были собственные литературные и опыты, и опыты? Помните свои первые пробы?

- Еще в четыре года я читала сказки Бажова и, как дедушка, выискивала в тетрадку слова, которые меня чем-то поразили. Например, "исосен-черные" волосы. И примерно лет в пять начала сочинять стишки. Один из самых ранних был про кролика. Я сама изготовила свою первую кроличью кутюру по форме, сшила ее и разрезала. Никто в литературу меня не толкал, дедушка с бабушкой вообще хотели, чтобы у меня была профессия, полезная людям, независимо от пола, цвета, веры, ученья.

Ребенок нередко повторяет то, что делают старшие. Мои мама и отец - архитекторы. В доме всегда было красиво, чисто, цветы, шелест мелкой, и в разлазную стену. Они поощряли мое художество. А когда мама начала писать рассказы, я тоже стала ей подражать. Родители хотели, чтобы я стала художником. Но как-то я послала свои рассказы в московскую газету "Неделя", где они и были опубликованы. Я узнала тогда в 7-м классе.

- У вашей мамы, архитектора Нургулы Куашбековой, есть реализмические проекты?

- Да, в Алматы свое первое кино, в частности, на улицах Толе би и Розмариновой, в одном из них, помогло, был магазин "Детский мир". Она вошла в группу проектировщиков Республиканского телецентра, где работали архитекторы "Архстрой", сценаристы и режиссеры. Она работала на проспекте Достык, жилого дома с бытовым магазином "Пилонер" на улице Курмангазы, была соавтором реконструкции здания на проспекте Абылай хана, где теперь работает театр имени Ахмет Байтұрсынұлы в Москве у моего друга, студента по архитектуре и дизайну - "Русской модели".

- Вы цените ее творческие работы?

- Не совсем делителю говорить в профессиональной степени о своей матери, но все же сказать, что у нее тонкий и точный, уверенный художественный вкус в любом виде творчества, в любом жанре. Принципы композиции, законы гармонии одни. И она всегда была верна и последовательна, и интуитивна.

- Но вернемся на вашу стезю. Москва, 1990 год. Что вы представляли в Литинститут при поступлении?

И сердце не его не имеет...

- Это были сказки и рассказы, опубликованные в казахских газетах, например, в "Дружных ребятах". Я поступила на отделение прозы. Ректором тогда был Евгений Сидоров, критик и литературовед, ставший вскоре министром культуры Российской Федерации. Он пожел маме руку и сказал: "Если бы все так воспитывали своих детей, мир был бы прекрасен".

- В 17 лет девичье сердце уже не могло, наверное, ограничиваться сказками.

- Мои лирические переживания находили выражение в поэтической прозе. Среди моих рассказов есть один, который я назвала "В Пробуждении". Там речь идет о сути слова "айналайын", о мудрости смиренной казахской женщины перед суровым миром. Потом он вошел в книгу "Credo". В институте усомнились в способности написать его в 17-летнем возрасте.

- Айналайын. Чудо-слово родного языка, чудо речи. Чем, когда рождено оно? Язык мой, о, язык мой! Ты слышишь моей душе, ты почти слышишь своим глазом, ты слышишь с моих губ. Красота твои и звучит будит во мне память о предках. Кто они были?

- Мои суровые, вечно воюющие предки создали ту мелодию, в которой любовь и ласка передаются со слезами же отчужденности и яростно, как и ненависти, и презрения. Нет страшнее слов проклятия, сказанных на родном языке. Нет нежнее и красивее слов любви и обожания, произнесенных на нем.

- Язык мой. Айналайын. Такая оборотительная прелесть, замкнутая близость и пугающая отдаленность - вот они, предки мои...

- В институте сразу обратил внимание на мою русскую восточную речь. Она чиста, без акцента, русская восточная речь. Московская речь больше интонированная, наша же артикуляция посуше. У тебя правильная речь, - сказали мне, - но будь смелее со словом.

- Как это у Верлена...
Всех лунных псов, да немощно
И точность точно под хмельком.

- Да, в речи должны быть мимические жесты, жестовые образы и действия, они становятся драматическими. В прозе должны быть мимические жесты, жестовые образы и действия, они становятся драматическими. В прозе должны быть мимические жесты, жестовые образы и действия, они становятся драматическими.

- Как это у Верлена...
Всех лунных псов, да немощно
И точность точно под хмельком.

- Да, в речи должны быть мимические жесты, жестовые образы и действия, они становятся драматическими. В прозе должны быть мимические жесты, жестовые образы и действия, они становятся драматическими.

- Как это у Верлена...
Всех лунных псов, да немощно
И точность точно под хмельком.

- Да, в речи должны быть мимические жесты, жестовые образы и действия, они становятся драматическими. В прозе должны быть мимические жесты, жестовые образы и действия, они становятся драматическими.

- Как это у Верлена...
Всех лунных псов, да немощно
И точность точно под хмельком.

чи, стилистический обороты, на те самые "мимические образы и действия". (И пример: "давно тогда назад", "С добрым и неострым, мальчишкам-подаркам, на мои. Детдом находится в Серге-Озке, а его мама, как он считает, живет в Астане. И пока он путешествует, где-то в детстве, где на поездках, он обижается на себя. Казахстан. Гайман мальчишка будет показан весь сергастаковский, об всем моем образе его социальных и национальных слов, все равнообразие и детство. Нависаю и на все, что стало во всем перипетии, и к концу фильма этот обычный беспризорный мальчишка по имени Чингиз вырастет в символический образ застреленного Казахстана).

- Интересно, какой вы сами предпочли бы видеть будущую страну - в символическом образе Чингиза или Чингиза Айтматов?

- Если говорить о государстве вообще, то каждой стране для исторической гармонии нужны свои и Чингизханы, и Чингизы Айтматовы.

- Кому и чему вы обязаны своим прозванием на "Казахфильм"?

- Конечно же генеральному директору студии Сергея Азимову. Его выбор был предопределен, говоря его словами, тем, что я успела сделать в литературе. Я не поняла, что это серьезный автор, - сказал Сергей Жукабаев. Мне и самой приятно, что мои рассказы были опубликованы в Казахстане и России, а также во Франции, США, Палестине.

- Кому принадлежат ваши никуда не уходящие? Вы сами не были "локомотором" для своего состава?

- Нет. Французы, например, перевели рассказ "В Пробуждении" на свой язык. Я уезжал отсюда, получая через посольство Франции в Москве журнал с моей публикацией.

- Как думаете, что в ваших вещах подкупает иностранца?

- За рубежом выбирают, как правило, национально-характерное и колоритное.

- В одном из своих стихотворений вы признаетесь: "Я люблю себя, как люблю всякого, кто ступил на чужую землю". Русский язык - для вас родная речевая стезя. У вас нет фантомной боли оттого, что в вас молчит казахское начало?

- Фантомная боль есть, и мое казахское начало не молчит. Я воспитана в национальных традициях, и никогда не была оторвана от культуры своего народа, от его литературы. Я в определенной мере владею казахским стилем казахского языка, слушаю неслучайно казахские песни, и в них слышу то, что я не владею литературным казахским языком, а не чувствую себя маргиналом. Я очень "почувствую" человека, любящего свое национальное. И меня всегда восхищает все национальное в той стране, где я

сать сценарий хорошим литературным языком. Но в большинстве из них преобладает языковая убогость. Добротная литературная ткань иной раз даже раздражает некоторых постановщиков. Им достаются: "Он подошел. Она сказала". А ведь диалоги, реплики, речевые характеристики персонажей делают их образы более объемными.

При поступлении на курсы в представила свои новые рассказы и приняла участие в конкурсе на государственный грант - написала эссе о работе о декабрьских событиях 1986 года в Алматы. Потом вышел к нам Эмиль Лотюк и спрашивает: "Кто такой Асель Омар?" - "Это я". - "Простите, я думал, что юноша". Он взял меня в свои мастерскую. Для меня это была еще одна встреча с Учителем. Мне везло в жизни на учителей.

Эмиль Владимирович как-то сказал мне: "Никогда не жалуйтесь на трудную жизнь. Трудная жизнь - это норма". Меня сначала поразило его слова своей беспомощностью. Но однажды, когда у меня у самой был тяжелый момент, я их вспомнила, и они помогли мне. Не надо паниковать и понимать слезами свое существование. Нужно действовать. И мой дед мне говорил: нужно уметь выживать, владеть несколькими профессиями, иметь жизненный запас, энергетический потенциал. Две силы у человека от земли, от собственной истории, от пройденного пути.

- Сейчас, когда у вас уже есть значимая для себя достижения и в литературе, и в кино, как вы считаете - это равновесие величин?

- Это все - мое сердце. Моя боль и радость. Мои плоть и кровь. И мой дух.

- Я спрашиваю о критическом самовосприятии сделанного вами.

- Обществу и кино у меня сделано меньше, поскольку на этот путь я встала лишь несколько лет назад. Я сиела в студии на Высших режиссерских курсах "под крылом" Эмиля Лотюк для короткометражных художественных фильмов "Игра" и "Шоколад". После его ухода из жизни окрестила мастерскую Владимира Хотинкина и Павла Шиня.

- Зритель видел ваши ленты?

- Они прошли по ряду фестивалей - детским, молодежным и студенческим. "Игра" получила диплом в Санкт-Петербурге на фестивале "Налого". А фестивальная судьба "Шоколада" продолжается.

- В данное время вы работаете с Рымбоком Айтиевым готовить к съемкам первого в Казахстане многосерийного телефильма "Ангелочек" по повести Нурлана Саинара. Что это за фильм?

- Его сюжет разворачивается на сломе эпох, а точнее, последовавший сразу же после крушения Советского Союза. Мы хотим рассказать, что произошло с людьми, с их душами и сердцами, и как это

оказывалось. Я считаю, что, если человек знает и любит свое национальную культуру, он способен понять и иную.

- Вы говорите о внутреннем раздражении от недоверчивости своего национального начала на русском языке. Однако на нем, как и на любом другом языке, наверное, почти невозможно выразить глубинную казахскую суть. Можно ли представить, обозначить, сымитировать, но по-русски или по-кежильбаевски не воссоздать.

- "Раздражение" здесь не то слово. Какого суть я выражаю? Не агузскую, не кежильбаевскую. Только свою. Как она есть.

- Как бы вы определили главную линию своего творчества?

- Ответил как центральным стихотворением из моего сборника "Credo".

Мне жить суждено с зыбком инноваром,
В горле окрикнул сердце: зыбни!
Единственным богом - изменчивым сердцем -
Клянусь, как клянется султан латын.

Нашки будущи детей в бы считала своим высшим из жизни достижением. Под шум голосов подростков детей и шепот взрослых сидела бы в своем доме за своим эссе-эссе-эссе в прозе в состоянии абсолютного счастья. И, да, Бог, родившись бы произведением, обходящим соруде читателей.

- О чем вы хотите для вас я не спросил? Дайте ответ без вопроса.

- Высказку свое суждение о сиюминутной литературе. Она очень часто монополична и эгоцентрична. Так же как становится все более индивидуалистичными и крайне эгоистичными западные общества, которые вроде бы сейчас находятся в авангарде развития мирового искусства и литературы, многие ориентируются в основном на западные культуры. Вынающим читателям завладевают именно такого рода книги, говорящие о богатстве человека из современного общества, которое подавляет его своим темлом, жаждой наживы и безысходности. Но есть и другая литература. Например, натиномаровский, тот же Маркес.

И мне хотелось бы своим творчеством помочь человеку, помочь ему любить, не обидеться. Сейчас в Астане в государственном издательстве готовится к выпуску в 2006 году моя книга прозы "Зимняя холодная". В нее вошли повести и рассказы последних лет на разных языках. Если бы мой труд был в какой-то степени кого-то согрел и утешил, тогда я бы знала, что моя работа в искусстве небесполезна, и была бы счастлива.

- Меня несколько удивляет "совестность" вашего подхода к назначению литературы: отвечать на вопросы, утешить, помочь.

- Я думаю, это библейский подход.

- По-моему, литература призвана в первую очередь давать эстетическое наслаждение от мастерского владения словом, от профессионального писательского умения.

- Я думаю, это библейский подход.

- По-моему, литература призвана в первую очередь давать эстетическое наслаждение от мастерского владения словом, от профессионального писательского умения.

- Я думаю, это библейский подход.

- По-моему, литература призвана в первую очередь давать эстетическое наслаждение от мастерского владения словом, от профессионального писательского умения.

- Я думаю, это библейский подход.

- По-моему, литература призвана в первую очередь давать эстетическое наслаждение от мастерского владения словом, от профессионального писательского умения.

- Я думаю, это библейский подход.

- По-моему, литература призвана в первую очередь давать эстетическое наслаждение от мастерского владения словом, от профессионального писательского умения.

- Я думаю, это библейский подход.

- По-моему, литература призвана в первую очередь давать эстетическое наслаждение от мастерского владения словом, от профессионального писательского умения.

- Я думаю, это библейский подход.

- По-моему, литература призвана в первую очередь давать эстетическое наслаждение от мастерского владения словом, от профессионального писательского умения.

- Я думаю, это библейский подход.

- По-моему, литература призвана в первую очередь давать эстетическое наслаждение от мастерского владения словом, от профессионального писательского умения.

- Я думаю, это библейский подход.

Рынок берет Алматы

Вечерний Алматы
6 октября 2005

Вечерний Алматы
6 октября 2005